

**ИСТОЧНИК И ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРАВОНАРУШЕНИЯ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© 2017

М.Ю. Спири́н, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права
*Самарский национальный исследовательский университет
им. С.П. Королёва, Самара (Россия)*

Ключевые слова: волевая концепция правообразования; источник правонарушения; материальная форма правонарушения; юридическая форма правонарушения; источник возникновения и реализации юридической ответственности; формы реализации юридической ответственности; перспективная и ретроспективная формы юридической ответственности; материальная и процессуальная формы юридической ответственности.

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь и взаимовлияние источника и формы правонарушения, а также источника функционального содержания юридической ответственности и форм её реализации на основе волевой концепции правообразования. Производятся необходимые классификации видов источника правонарушения и формы правонарушения, источника возникновения и реализации юридической ответственности, формы реализации юридической ответственности, а также разграничиваются подформы процессуальной формы ответственности. Предпринята попытка системного подхода к изучению источника и юридической формы правонарушения и юридической ответственности.

ВВЕДЕНИЕ

Применяя в общей теории правонарушения и юридической ответственности отдельные аспекты учения о соотношении источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования [1, с. 50–53; 2, с. 126–127; 3, с. 184–198; 4, с. 74–75], можно определить содержание некоторых важных явлений, которые в полной мере не обнаруживают себя в рамках существующих общетеоретических и отраслевых научных подходов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В этом смысле изначально следует выделить категорию «источник правонарушения», содержание которой необходимо трактовать не в значении причин и условий, способствующих его совершению (криминологический подход), а как некую «символизацию» самого акта совершения правонарушения, такую «символизацию», которая, собственно, создаёт формально-юридическое представление о данном акте социального поведения.

Источник правонарушения в таком значении может быть как прямым, так и опосредованным.

Прямым источником правонарушения выступает изъятие воли лица, совершающего соответствующее противоправное деяние, по отношению к осуществлению этого деяния, содержащего все необходимые признаки правонарушения. Объективное отображение внешнего выражения этой воли в учении о вине в праве, которая, как известно, выступает одним из важнейших субъективных признаков состава правонарушения, является важным доказательством принципиальности вопроса о такой воле и её изъятии. Производимое в юридической науке и на практике подразделение правонарушений (типов неправомерного поведения) на внутренне-обусловленные и ситуационно-случайные фактически подтверждает два основных способа отражения воли правонарушителя по отношению к совершаемому или совершённом правонарушению [5, с. 21].

Опосредованный (потенциальный) источник правонарушения – ранее изъятая и закреплённая в созданных и действующих нормах права воля субъекта правотворчества (в т. ч. – законодателя), выраженная в определении и признании того или иного потенциального деяния субъекта в качестве правонарушения. Таким образом, опосредованный источник возникает и проявляет себя значительно раньше прямого источника, в том числе – удерживая сам фактом своего присутствия в соответствующих охранительных нормах многих лиц от возможного совершения ими правонарушений. При этом в формально-логическом

смысле выражение воли законодателя, который формулирует в юридических нормах уголовного или административного закона соответствующие перечни преступлений и административных правонарушений, является именно потенциальным источником всех совершаемых впоследствии подобных деяний, поскольку без адекватного выражения этой воли (отсутствия по каким-либо причинам таких перечней либо их важных составных элементов) реально совершаемые общественно опасные или социально вредные деяния невозможно квалифицировать в качестве именно правонарушений.

Определяя форму правонарушения как категорию, зависимую от характера источника, стоит указать на две её разновидности: материальную форму (реальные признаки состава правонарушения как юридические факты; обстоятельства, отражённые в делинквентном поведении лица) и юридическую форму (сам состав правонарушения и его элементы, закреплённые нормами права).

Материальная форма правонарушения – конкретный юридический факт либо их система (состав), отражающий характер деяния как правонарушения и влекущий за собой возникновение правового отношения юридической ответственности (наступление юридической ответственности по фактическому основанию).

В отличие от неё юридическая форма правонарушения представляет собой факт закрепления элементов возможного (потенциального) деяния в структуре нормы права для последующего применения этой нормы при квалификации уже совершённого субъектом деяния как соответствующего правонарушения (то есть формально-техническая конструкция самой нормы права как юридическое основание ответственности). Тем самым, юридическая форма правонарушения так же, как и в случае с опосредованным (потенциальным) источником правонарушения, появляется раньше самого правонарушения, выступая его своеобразной нормативной «оболочкой».

Таким образом, данные виды формы правонарушения одновременно выступают в качестве двух принципиальных оснований наступления правового отношения юридической ответственности: фактического и формально-юридического.

По общему логическому правилу совершение правонарушения влечёт за собой наступление неблагоприятных последствий юридической ответственности; впрочем, равно как и совершение акта правомерного поведения предполагает закономерное наступление юридически значимых положительных последствий в отношении лица, ведущего себя правомерно, а также – в отношении других лиц.

Источник возникновения и реализации юридической ответственности может быть познан через призму её функционального содержания. При этом характер данного источника определяется самой необходимостью:

1) привлечь к ответственности лицо, совершившее правонарушение;

2) восприятия правонарушителем принудительных действий по реализации юридической ответственности как юридически обоснованных и социально значимых (одобряемых).

Источник функционального содержания ответственности предполагает волевое осознание и проявление воле необходимости предупреждения совершения правонарушения, его пресечения в случае начала его совершения и применения мер юридической ответственности к лицу, совершившему правонарушение. Как и в случае с источником правонарушения, здесь следует рассматривать с одной стороны акт волеизъявления субъекта правотворческой деятельности (законодателя), которые закрепляет конкретный вид и меру юридической ответственности за совершение конкретного правонарушения, а с другой стороны, сам правонарушитель также должен выразить определённым образом свою волю к совершаемому деянию не только как к преступному, но и как к наказуемому (в уголовном праве).

Если таких актов изъявления воли не последует, то:

1) акт делинквентного поведения не будет предполагать наступление юридической ответственности;

2) вина лица в совершении правонарушения не будет выражена, а значит и не будет установлена, что исключит его юридическую ответственность.

Таким образом, источник возникновения и последующей реализации юридической ответственности также отчётливо подразделяется на прямой (виновный) и опосредованный (правотворческий) виды.

В общей теории права традиционно выделяются две основные формы реализации юридической ответственности: добровольная и принудительная (государственно-принудительная).

Добровольная форма, являясь отражением позитивного понимания самой юридической ответственности и способов (социальных приёмов) её реализации, отражает социальное поведение, устремлённое в будущее время («ответственное поведение»). Причём это гипотетическое «будущее» всякий раз отражается в совершенно реальном «настоящем», в рамках которого непосредственно возникает такая добровольная форма, поэтому на первый план при её характеристике закономерно выступает особый характер выраженной воли лица вести себя правомерно – добровольное согласие следовать установленным в данном обществе нормам (в т. ч. – юридическим нормам) социального поведения (“*consensus erga omnes*”). Фактическое существование добровольной формы реализации ответственности является важным аргументом в пользу выделения самостоятельного положительного аспекта самой юридической ответственности и её мер (позитивных санкций). Как справедливо указывает Д.А. Липинский, «утверждать об отсутствии у юридической ответственности добровольной формы реализации равнозначно признанию юридической ответственности не разновидностью социальной ответственности, а неким особым «несоциальным видом» и исключению её из системы регулирования общественных отношений» [6, с. 11]. Ео ipso, в этом случае юридическая ответственность становится «механистической», «неодушевленной» и (фактически) «несоциальной» ответственностью.

Закреплённая нормами действующего законодательства принудительная форма реализации юридической ответственности функционирует на основе установленного факта совершения лицом правонарушения, т. е. направлена в прошлое, а также оценивает настоящее (например, с точки зрения самой юридической нормы,

которая закрепляет противоправное деяние и конкретную меру ответственности за его совершение на момент самого совершения такого деяния). Таким образом, принудительная форма отражает известный негативный аспект понимания юридической ответственности как формальной ответственности лица за уже совершённое правонарушение.

В то же время весьма важно понимать, что перед нами именно формы (аспекты) выражения воле единой юридической ответственности, но не её конкретные виды [7, с. 69–70].

Также следует обратить внимание на выделяемые по темпоральному критерию перспективную (проспективную) и ретроспективную формы юридической ответственности, которые являются весьма похожими на добровольную и принудительную формы, но отличаются от них по параметру отрезка времени их наступления [8, с. 10]. Так, сама ретроспективная форма ответственности, выраженная в организационно-правовых мероприятиях, проводимых после совершения правонарушения, может возникать на добровольной основе, когда лицо, совершившее противоправное деяние, само, по своей инициативе, запускает механизм реализации юридической ответственности (явка с повинной, заявление о совершённом правонарушении, желание заглаживать причинённый вред etc.). В то же время перспективная форма ответственности может быть достаточно жёстко задана в сознании личности господствующими общественными установками и, на основании этого, не даёт лицу возможности уклониться от определённой линии правомерного по своему характеру поведения. То есть, в этом случае определяющим фактором становится именно момент времени, в который оценивается само деяние (как противоправное, так и правомерное).

К часто выделяемой в литературе процессуальной форме [9, с. 348–358] юридической ответственности необходимо добавить её фактического предшественника – материальную форму. Другое дело, что так называемая «материальная форма» будет иметь в этом случае довольно абстрактный, умозрительный характер и проявится лишь на этапе, предшествующем реализации процессуальной формы: например, сам факт (нормативный факт) установления определённого вида юридической ответственности за совершение конкретного правонарушения является своеобразным «пусковым механизмом» потенциального начала её реализации через систему специально-юридических процедур. То есть юридическая ответственность в такой «спящей» материальной форме присутствует практически в каждой норме права. Именно в этом смысле стоит признать, что «правонарушение, как и правомерное поведение, смоделировано в норме юридической ответственности... Нормативно само основание юридической ответственности» [10, с. 232]. В то же время, с момента начала реализации первого предусмотренного этой нормой процедурного действия (направление претензии, обращение с иском заявлением) юридическая ответственность приобретает чётко выраженную процессуальную форму.

В некоторых случаях отдельно от процессуальной рассматривают так называемую «непроцессуальную» форму реализации юридической ответственности, которая применима «только к случаям добровольного исполнения нарушенной обязанности либо в рамках альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов» [11, с. 68, 72]. В данном случае речь, по сути, также идёт о процессуальной форме юридической ответственности, но в несколько «облегчённом» по форме, неофициальном light-варианте.

В рамках процессуальной формы следует выделять две подформы реализации юридической ответственности: организационную (деятельностную) и нормативную (документальную).

Организационная подформа выражается в комплексе организационно-принудительных действий, которые на законных основаниях и в установленном порядке применяются к лицу, совершившему правонарушение. Здесь само принудительное действие, сочетаясь с другими такого же рода действиями, формирует определённое осознание юридической ответственности как строгой последовательности правовых процедур.

При этом стадии реализации любого вида юридической ответственности фактически могут быть включены в состав такой организационной подформы ответственности.

Нормативная (документальная или текстуральная) подформа ответственности состоит в наличии необходимого и достаточного документального закрепления в тексте конкретной правовой нормы обязательных признаков факта совершения правонарушения, а также порядка применения к совершившему данное правонарушение лицу необходимых, законных и соразмерных уровню и характеру опасности (вредности) совершённого деяния и свойствам личности правонарушителя негативных организационных последствий юридической ответственности. При этом нормативная подформа определяет смысл и направление развития организационной подформы, а та, в свою очередь, черпает свойство обязательности (силу актов применения права при реализации ответственности) из установленных нормами права императивов.

Процессуальная форма нередко определяется синонимично принудительной форме реализации юридической ответственности [11, с. 68], что представляется методологически не вполне верно, несмотря на императивный характер норм, устанавливающих последовательность действий юридических процедур для всех субъектов, включённых в орбиту их действия. Само начало проявления процессуальной формы, например, в частном праве, может быть отражением совершенно добровольного изъявления справедливого желания лица «бороться за своё право», что исключает возможность всякого принуждения к этому.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что, несмотря на распространённость в литературе единого термина «процессуальная форма юридической ответственности» и наличие её базовых принципов реализации и свойств, в конкретных отраслях права (выступая в качестве процессуальной формы административной, гражданско-правовой, уголовной etc. ответственности) она проявляет свои многочисленные специальные черты, которые обусловлены характером регулируемых нормами этих отраслей права общественных отношений [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассуждениям, необходимо сделать вывод о том, что именно учение о форме (формах) реализации юридической ответственности в настоящее время является наиболее разработанным сегментом отечествен-

ной теоретической юриспруденции в рамках проблематики источника и юридической формы правонарушения и функционального содержания юридической ответственности в целом.

В то же время, ощущается настоятельная необходимость включения категории «форма реализации юридической ответственности» в целую систему взаимообусловленных явлений (источник и форма правонарушения, волеизъявление и вина субъекта правонарушения, основания юридической ответственности, источник функционального содержания и форма юридической ответственности). Как представляется, рассмотрение данных явлений во взаимосвязанном единстве, как логически следующих из смысла и содержания друг друга, может внести определённые новеллы в современную общую теорию правонарушения и юридической ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н.Г. Понятие источника права // Учёные труды Всесоюзного института юридических наук. М.: Юриздат, 1946. Вып. VIII. С. 47–54.
2. Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2013. 584 с.
3. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М.: Норма, 2012. 400 с.
4. Рудковский В.А. Источники права: проблемы теории // Вектор науки Тольяттинский государственный университет. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 73–75.
5. Иванов А.А., Иванов В.П. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 159 с.
6. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 387 с.
7. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. 200 с.
8. Кузьмин И.А. Добровольная форма реализации юридической ответственности // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4. С. 10–16.
9. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М.: Норма, 2012. 432 с.
10. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
11. Маркин А.В. Формы реализации юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинский государственный университет. 2009. № 6. С. 68–74.
12. Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 23 с.

OFFENSE'S AND FUNCTIONAL CONTENT'S OF LEGAL LIABILITY SOURCE AND LEGAL FORM

© 2017

M. Yu. Spirin, candidate of juridical sciences, associate professor of department of theory and history of state and law and international law Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: willed concept of law-making; source of offense; material form of offense; legal form of offense; source of origin and realization of legal liability; forms of realization of legal liability; prospective and retrospective forms of legal liability; material and procedural forms of legal liability.

Abstract: In this article author considers about the interrelation and mutual influence of the source and form of the offense, as well as the source of functional content of the legal liability and the forms of its realization on the basis of the willed concept of law-making. The required classifications of types of source of the offense and the form of the offense, the source of the origin and realization of legal liability, the form of the realization of legal liability, as well as the sub-forms of the liability's procedural form are created. An attempt of a systematic approach to studying the source and legal form of the offense and legal liability is made.